

УДК 008

Символические контексты межкультурной коммуникации

Налбандян Элен Нагапетовна

Выпускница аспирантуры,
Крымский университет культуры, искусств и туризма,
295000, Российская Федерация, Симферополь, ул. Киевская, 39;
e-mail: nelenn88@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние контекстов на межкультурную коммуникацию. Разные типы контекстов помогают понять, почему одна и та же информация может восприниматься по-разному в различных культурах. Автор осуществляет попытку типологизации контекстов, которые создают смысловое наполнение культуры, и приходит к выводу, что именно символические контексты позволяют декодировать глубинные ценности и передают скрытые смыслы, которые порой являются неочевидными для представителей других культур.

Для цитирования в научных исследованиях

Налбандян Э.Н. Символические контексты межкультурной коммуникации // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 4А. С. 7-14.

Ключевые слова

Культура, межкультурная коммуникация, контекст, символический контекст, символ.

Введение

Культура существует, развивается, передается и постигается посредством коммуникации. Обмен информацией и накопление опыта неразрывно связаны с деятельностью конкретного человека как базовой единицы распространения культуры и его взаимодействием с другими людьми. В процессе взаимодействия очень часто происходит соприкосновение разных идей, языков, ритуалов, традиций, другими словами, целых знаковых систем, с помощью которых шифруются смыслы культуры. В процессе взаимодействия разных культур такие системы играют ключевую роль, так как культуры обладают уникальными «кодами», которые могут интерпретироваться по-разному.

Основная часть

Одними из первых о важности изучения межкультурной коммуникации в 1954 году писали Э. Холл и Д. Трагер, в работе «Культура и коммуникация: модель и анализ» [Trager, Hall, 1954]. Они ввели в научный оборот термин «межкультурная коммуникация», показав, что именно она лежит в основе человеческих взаимоотношений и взаимодействий. Позднее в 1959 году в работе «Немой язык» Э. Холл предложил понимание культуры как коммуникации: «Коммуникация - это культура, культура - это коммуникация» [Hall, 1959]. Основной упор в процессе осуществления коммуникации делается на различиях, существующих ввиду разных культур. В учебном пособии, подготовленном О.А. Леонтович в 2007 году, межкультурная коммуникация трактуется как непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных культур [Леонтович, 2007, 351]. Также интересен подход Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, которые представляют межкультурную коммуникацию как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [Верещагин, Костомаров, 1990, 26]. Каждое из представленных определений содержит утверждение, что коммуникация, по сути, представляет собой необходимую форму воспроизводства культуры и подчеркивает важность контекста, в котором происходит межкультурная коммуникация. Именно контексты определяют, как интерпретируются знаки, жесты, слова и действия. Разные типы контекстов помогают понять, почему одна и та же информация может восприниматься по-разному в различных культурах.

Согласно Э.Холлу, именно контекст является тем параметром, по которому можно сравнить культурные различия и определять характер и результаты процесса коммуникации. Так, с целью выявления культурных различий Э. Холл выделяет высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные культуры. По его мнению, высококонтекстуальные культуры характерны для Кореи, Китая, Саудовской Аравии, Японии, то есть, для тех культур, которые ориентированы на сохранение традиций прошлого. Эти культуры практически неизменны во времени. Представители высококонтекстуальных культур обращают существенное внимание на неязыковой контекст, например, на статус, иерархию, внешний вид человека, его манеру общения. В языках этих культур применяется большое количество намеков, подтекстов, метафор и т. д. Высокий контекст культуры является обязательным элементом успешного понимания того или иного события, поскольку высокая плотность информационных сетей предполагает тесные контакты между субъектами коммуникации. В этом случае в отношениях между людьми всегда присутствуют тесные связи. В силу высокой информационной обеспеченности и накопленного исторического опыта такие культуры можно назвать

однородными, они мало меняются со временем и при взаимодействии с инокультурным окружением. Поведение представителей высококонтекстуальных культур порождает одинаковую реакцию и является предсказуемым.

Низкоконтекстуальные культуры, по Э.Холлу, типичны для Канады, Германии, США, Скандинавских стран. Для представителей этого типа культур необходима полная, детальная информация обо всем, что происходит. В таких обществах большое значение придается письменной и устной речи, детальному изложению и анализу происходящего. Представители низкоконтекстуальных культур говорят обо всем по существу, открыто, для них информация заключена в словах, а не в контексте.

Сравнение особенностей каждого типа культуры позволяет прийти к выводу, что при взаимном общении представителям этих культур приходится сталкиваться с множеством сложностей. Таким образом, теория Э. Холла помогает взглянуть на представителей различных культур изнутри и облегчает понимание культурных разнообразий, определенных тем или иным контекстом. Следует сказать, что конструируемые контексты, создающие смысловое наполнение культуры, становятся значимой составляющей постнеклассической науки. В современном научном дискурсе они приобретают не меньшую значимость, чем методологическая традиция, в рамках которой осуществляются исследования.

Контекст – это необходимое условие осмысленного употребления той или иной языковой единицы, позволяющее уловить точное значение этой единицы. В лингвистике контекст – это любой фактор – лингвистический, физический, общественный, – который влияет на интерпретацию лингвистических знаков. Это может быть языковое окружение, ситуация речевого общения или среда, в которой существует объект.

Однако в данном ключе появляется не менее сложный методологический вопрос: как можно типологизировать существующие контексты? Одним из наиболее распространенных способов является соотнесение контекстов с видами деятельности. Используя данную основу для сравнения, можно выделить следующие контексты:

- исторический, где появляется понимание того, как различные культуры и общества влияли на ход событий сквозь призму времени:

- религиозный, представленный как множество взаимодействий между людьми по поводу осуществления вероисповедания и множества иных социальных взаимодействий участников конфессий, между конфессиями и светскими системами культуры (формирует представления о правильном поведении, человеческих отношениях, справедливости и других нравственных принципах);

- социальный, где осуществляется анализ того, как культурные практики и традиции формируют восприятие пространства и времени (значения, которые люди придают определённым местам, процессам урбанизации и глобализации, которые изменяли или вообще приводили к исчезновению тех или иных культур);

- политический, где культура представлена как механизм порождения, сохранения и трансляции политического опыта (формирует установку политического сознания отдельного индивида или социальной группы в отношении институтов власти, политических лидеров, актуальных вопросов, связанных с политическими проблемами).

Еще одним способом классификации является рассмотрение культуры в пространственном измерении. И здесь появляется необходимость разделения контекстов на международный, национальный, региональный и т.д. Какие вызовы могут быть связаны с каждым из представленных контекстов. Например, для международного – это проблема культурной

апроприации или гомогенизации, для национального – баланс между единством и многообразием, для регионального – сохранение традиций в условиях нарастающих глобальных тенденций.

Если говорить о степени формальности, то здесь также можно выделить формальный и неформальный контексты, коммуникация в рамках которых предполагает либо соблюдение четких правил, следование строгому протоколу (например, коммуникация с королевской семьей), либо использование свободного стиля, предполагающего минимум условностей (общение между близкими друзьями).

Однако, какую бы классификацию к изучению культурных контекстов мы не использовали, детальная расшифровка смыслового содержания появляется при рассмотрении культуры сквозь призму символического контекста, позволяющего декодировать глубинные ценности, изучать идентичность и мировоззрение носителей культуры. Именно символические контексты передают скрытые смыслы, которые могут быть неочевидны для представителей других культур, например в трактовке религиозных символов, национальных эмблем, цвета и т.д.

Сам по себе символ ничего не обозначает. Его объяснительное воздействие начинается тогда, когда человек приступает к его прочтению, расшифровке. Всякая символика связана так или иначе с человеком, который артикулирует себя при помощи символов. Но в то же время Рикер подчеркивает, что «в прояснении истоков и условий возможности функционирования символа необходимо принимать во внимание «анонимность» символического, его происхождение в области, свободной от человека, от экзистенциального измерения» [Рикёр, 2008]. Данный процесс непосредственным образом связан с символическим контекстом, в котором находится человек. Поэтому символ, будучи феноменом культуры, несмотря на различные барьеры (языковые, религиозные, политические) способствует формированию смыслового пространства и выполняет коммуникативную функцию.

Символическая среда пронизывает все предметно-пространственное окружение человека и выступает в качестве структурообразующей основы, обеспечивающей целостность и способность к развитию. Согласно структуралистской концепции «осью культуры» становится естественный знак. Он же, по мнению Ю.М. Лотмана, является первичной моделирующей системой. Все остальные явления культуры, согласно данной концепции, – вторичные системы, которые строятся по образцу естественного языка.

С семиотической точки зрения культура есть особая, свойственная человеческому обществу «надбиологическая» форма информационного процесса, которая принципиально отличается от информационных процессов, имеющих место у животных, и обладает несравненно более богатыми возможностями. Если у животных информация кодируется хромосомными структурами и нейродинамическими системами мозга, то в культуре хранилищами и каналами передачи информации становятся внешние по отношению к телу человека структуры [6, с. 164]. «Быть человеком, – пишет в этой связи Клиффорд Гирц, – не значит просто дышать; это значит контролировать свое дыхание, контролировать его при помощи техники вроде йоги... Это значит не просто есть; это значит отдавать предпочтение определенной пище, приготовленной определенным образом, и соблюдать строгий застольный этикет во время ее приема» [Килькеев, 2009, 63]. В рамках данной концепции носители культуры выстраивают своё поведение сообразно тем моделям, которые им для этого предлагает их культура. Она выступает в качестве своеобразной «грамматики», которой люди пользуются для формирования «высказываний» – социальных действий, нагруженных смыслом, доступным в полной мере только носителям данной культуры [Килькеев, 2009, 168].

Основным средством коммуникации в таком понимании культуры становится система взаимосвязанных знаков, которые образуют семиотическое пространство. Его можно представить в виде постоянно меняющейся системы, где создаются узлы понимания или конфликтов. Это пространство далеко не статично и зависит от символического контекста. Такое пространство Ю.М. Лотман называет семиосферой по аналогии с биосферой В.И. Вернадского [Гируцкий, 2019, 6]. Если биосфера является совокупностью и органическим единством живого вещества, то семиосфера – условие развития культуры. Семиосфера представляет собой сложное единство и взаимодействие двух разнонаправленных тенденций: во-первых, тенденции к унификации и интеграции, и, во-вторых, тенденции к дифференциации.

В пространственной структуре семиосферы обе тенденции локализуются в таких областях, как центр и периферия. В центре устанавливается семиотическое единообразие и фиксированная определенность. Здесь конституируется смысловая и знаковая самотождественность предметов, формируются идентичности, устанавливаются нормы и законы. Однако центральная область семиосферы утрачивает способность к движению, генерации новых смыслов и значений: «В результате в центре культурного пространства находятся участки семиосферы, которые, поднимаясь до уровня самоописания, приобретают жестко организованный характер и одновременно достигают саморегулировки [Семиотический поворот..., 2018, 219]. Но одновременно они теряют динамичность и, исчерпав резерв неопределенности, становятся негибкими и неспособными к развитию» [Лотман, 1996, 191]. Резерв неопределенности и семиотическая динамичность сохраняются на периферийных участках семиосферы. Удаленность от центра и близость к границам порождает семиотическое многообразие, открытость и текучесть смыслов и значений. Связано это с тем, что именно границы являются в структуре семиосферы «наиболее «горячими» точками [Шпенглер, 1993, 201].

Используя язык Ю.М. Лотмана, можно сказать, что семиосфера и становится тем символическим контекстом, в котором происходит межкультурная коммуникация. Ее возникновение происходит на границе, в области соприкосновения различных семиосфер.

Универсальная семиотическая закономерность, которую фиксирует Ю.М. Лотман в процессе описания культурной динамики, заключается в том, что, чем более чуждыми являются друг другу различные семиотические пространства, тем потенциально более значительным и «взрывным» может оказаться семиотический эффект от их соприкосновения. Таким образом, знаки культуры, которые появляются на «пограничных» участках, становятся средствами межкультурной коммуникации и посредниками в её осуществлении.

По мнению ряда исследователей, речь о культуре вообще может идти только тогда, когда налицо наличие в ней символа. Так, для О. Шпенглера [Шпенглер, 1993] символизация является основным критерием выделения «локальных культур», она определяет внутренние возможности культуры, которые не всегда находят полное воплощение и чувственное проявление в картине мировой истории. Его теория «прасимволов» отводит исключительное место специфике культуры как «прародительнице» символической системы. Облик культуры благодаря символике един, и «прасимвол» определяет собой все. Выделив его из лона символической системы можно понять сущность всего диапазона проявлений определенной культуры. Указав один основной символ, по концепции О. Шпенглера, можно дать универсальное глобальное объяснение всего, описать все «символические ряды» пронизывающие картину жизни той или иной эпохи [Шпенглер, 1993].

Поиск оснований природы символа и функционирования символических систем привел к структурному анализу. Французский этнограф К. Леви-Строс признает решающее значение

символизации и выводит символ на первый план структурной антропологии [Леви-Строс, 2001]. Несмотря на то, что символ сам по себе не имеет никакой структуры, он становится структурообразующим элементом любой культуры. Как писал А. Уайтхед, «... ни одно сообщество не будет жизненным, если в нем не функционирует символизм, подчиняющий, с одной стороны, элементы структуре, с другой – структуру элементам. Те общества, которые не могут сочетать почтение к своим символам со свободой их изменений, должны, в конце концов, распасться или под воздействием анархии, или от медленного истощения жизни, задушенной бесплотными призраками» [Капицын, 2012, www].

Э. Кассирер делает символ уникальной категорией: все формы культуры рассматриваются им как иерархия «символических форм», адекватная духовному миру человека. Согласно Кассиреру, человек – это «животное, созидющее символы»; иначе говоря, символические формы (язык, миф, религия, искусство и наука) предстают как способы объективации, самораскрытия духа, в которых упорядочивается хаос, существует и воспроизводится культура [Кассирер, 2011].

Не менее значимое место понятие символа занимает в аналитической психологии Карла Густава Юнга. Символ трактуется им как главный способ проявления архетипов – фигур коллективного бессознательного, унаследованных от древнейших времен. Один и тот же архетип, согласно Юнгу, может выражаться и эмоционально переживаться посредством различных символов. Например, Самость – архетип порядка и целостности личности – символически предстает как круг, мандала, кристалл, камень, старый мудрец, а также и через другие образы объединения, примирения полярностей, динамического равновесия, вечного возрождения духа. Основное предназначение символа – защитная функция. Символ выступает в качестве посредника между коллективным бессознательным и душевной жизнью отдельного человека, является сдерживающим, стабилизирующим механизмом, препятствующим проявлению иррациональных дионисийских сил и порывов. Разрушение символа неизбежно приводит к дестабилизации духовной жизни общества, опустошенности, вырождению и идеологическому хаосу [Юнг, 1997].

Клиффорд Гирц уподобляет символы культуры источникам света, необходимым человеку для того, чтобы ориентироваться в мире, действовать. Культурные символы необходимы потому, что «несимволические источники, органически заложенные в его теле, дают освещение слишком рассеянное». Переходя в символ, образ становится «прозрачным», смысл как бы просвечивает сквозь него [Гирц, 2004].

Заключение

Таким образом, символические контексты становятся наиболее значимыми явлениями культуры, которые участвуют в коммуникации. Возможности межкультурной коммуникации заложены в самой культуре. Культура понимается как совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество оберегает свои ценности, своеобразие и осуществляет связи с окружающим миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире. Соответственно различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование, а значит, и отличаются символическим значением.

Библиография

1. Trager G., Hall E. Culture as communication: A model and analysis / G. Trager, E. Hall // *Explorations. Studies in Culture and Communication*, 3, – 1954. – New York, P. 137-149.

2. Hall E. T. *The Silent Language*. – New York : Doubleday & Co, 1959. – 248 p.
3. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
4. Верещагин Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: методическое руководство / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Москва: Русский язык, 1990. – 247 с.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Пер. с франц. И.С. Вдовиной/ П. Рикер; М.: Академический Проект, 2008. – 687 с.
6. Килькеев, В.Н. Клиффорд Гирц о контрверзах постижения культуры и человека / В.Н. Килькеев // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Выпуск 7. – Белгород: БелГУ, 2009. – № 2 (57). – С. 166–172.
7. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
8. Гируцкий А.А. Экология семиосферы [Текст] : традиции и новые подходы / А. А. Гируцкий // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. - 2019. - № 1. - С. 4-17.
9. Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст /отв. ред.: Демин И.В. г. Самара: Изд-во Саратовского ун-та, 2018. 270 с.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. –Новосибирск : Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. –303 с.
12. Леви-Строс К. Структурная антропология: пер. с фр. В.И. Иванова / Клод Леви-Строс., М. : ЭКСМО-Пресс, 2001 – 512 с.
13. Капицын В.М. Идеино-символьная политика и национальные интересы России / В.М. Капицын // Россия и современный мир .— 2012 .— №2 .— С. 58-70 .— URL: <https://rucont.ru/efd/470828> (дата обращения: 26.05.2022).
14. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3-х т. –Т. 2. Мифологическое мышление / Э. Кассирер ; пер. с нем. С. Ромашко. –М. : Академический проект, 2011. –280 с.
15. Юнг К.Г. Человек и его символы : пер. с нем. / К. Г. Юнг. — Москва: Серебряные нити, 1997. — 368 с.

Symbolic Contexts of Intercultural Communication

Elen N. Nalbandyan

Postgraduate Graduate,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
295000, 39, Kievskaya str., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: nelenn88@yandex.ru

Abstract

The article examines the influence of contextual frameworks on intercultural communication. Different types of contexts help explain why identical information may be perceived differently across cultures. The author develops a typology of contexts that create cultural meaning structures, concluding that specifically symbolic contexts enable the decoding of fundamental cultural values and transmit latent meanings that often remain non-obvious to representatives of other cultures.

For citation

Nalbandyan E.N. (2025) Simvolicheskie konteksty mezhkulturnoy kommunikatsii [Symbolic Contexts of Intercultural Communication]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (4A), pp. 7-14.

Keywords

Culture, intercultural communication, context, symbolic context, symbol.

References

1. Trager G., Hall E. Culture as communication: A model and analysis / G. Trager, E. Hall // *Explorations. Studies in Culture and Communication*, 3, – 1954. – New York, P. 137-149.
2. Hall E. T. *The Silent Language*. New York : Doubleday & Co, 1959. 248 p.
3. Leontovich O.A. *Introduction to intercultural communication: textbook. manual* / O.A. Leontovich. – M.: Gnosis, 2007. 368 p.
4. Vereshchagin E.M. *Language and culture: linguistics in teaching Russian as a foreign language: a methodological guide* / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Russian Language, 1990. 247 p.
5. Riker P. *Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics* / P. Translated from the French by I.S. Vdovina/ P. Riker; M.: Academic Project, 2008. - 687 p.
6. Kilkeev, V.N. Clifford Girtz on the contrasts of comprehension of culture and man / V.N. Kilkeev // *Scientific Bulletin of BelSU. The series "Philosophy. Sociology. The right."* Issue 7. – Belgorod: BelSU, 2009. – № 2 (57). Pp. 166-172.
7. Girts K. *Interpretation of cultures* / Translated from English - M.: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 2004. 560 p.
8. Girutsky A.A. *Ecology of the semiosphere [Text] : traditions and new approaches* / A. A. Girutsky // *Journal of the Belarusian State University. Ecology*. 2019. No. 1. pp. 4-17.
9. *The semiotic turn in social and humanitarian cognition: origins, prerequisites, cultural context* /ed. by Demin I.V. Samara: Publishing House of Saratov University, 2018. 270 p.
10. Lotman Yu. M. *Inside thinking worlds. Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history*. Moscow: "Languages of Russian Culture", 1996. 464 p.
11. Spengler O. *The Decline of Europe* / O. Spengler. Novosibirsk : Nauka: Siberian Publishing House, 1993. 303 p.
12. Levi-Strauss K. *Structural anthropology: translated from French by V.I. Ivanov* / Claude Levy-Strauss, Moscow : EKSMO-Press, 2001 – 512 p.
13. Kapitsyn V.M. *Ideological and symbolic politics and national interests of Russia* / V.M. Kapitsyn // *Russia and the modern world*.— 2012 .— No. 2 .— pp. 58-70 .— URL: <https://rucont.ru/efd/470828> (date of request: 05/26/2022).
14. Kassirer E. *Philosophy of symbolic forms : in 3 volumes - vol. 2. Mythological thinking* / E. Kassirer ; translated from German by S. Romashko. – M. : Academic project, 2011. 280 p.
15. Jung, K.G. *Man and his symbols: translated from German* / K. G. Jung, Moscow: Silver Threads, 1997— 368 p.